

ПОКОЛЕНИЕ ГЕРОЕВ

КОМПОЗИТОР ВЛАДИМИР ДОВГАНЬ — О РОДИТЕЛЯХ-ФРОНТОВИКАХ

Окончание. Начало — на стр. 1

"ЗАВТРА". В разведку ведь брали не каждого. Был отбор бойцов по каким-то особым параметрам?

Владимир ДОВГАНЬ. Отец был достаточно образованный, умный человек — отличник, толковый парень. Ловкий, спортсмен, в стиле brass он представлял Днепропетровск на Всеукраинских соревнованиях по плаванию. С лёгкостью проплывал три километра. Это тоже сыграло роль в отборе. Он сам захотел стать разведчиком. Туда брали добровольно. И в любой момент человек мог уйти, если испытывал какие-то психологические или физические трудности.

"ЗАВТРА". Мальчишкам же эта тема очень интересна. Отец рассказывал вам о своей службе в разведке?

Владимир ДОВГАНЬ. Нет, почти ничего не рассказывал. Когда в школе нам поручали написать сочинение о том, как воевал отец, я очень просил его вспомнить фронтовые истории. В ответ чаще всего слышал: разведка есть разведка. Но всё же изредка, хотя он этого и не любил, что-то очень скупо мне рассказывал; например, о том, как его группа ходила на задание, как брали "языка". Из его описаний получалось, что ничего особенного он не совершал — была трудная, но обиденная служба. Но как-то отец признался, что за тот год, что он служил в разведке, из его отряда, с кем он начинал служить, остались в живых лишь четыре человека.

Однажды, поддавшись на мои уговоры, он рассказал об одном фронтовом случае, выходящем за рамки обиденного. Его группе дали задание провести разведку боем — взять хорошо укреплённую высоту и прощупать, насколько устойчивы немцы держат там оборону. Задача была выполнена. Но получилось так, что разведчики попали под перекрёстный огонь: с одной стороны по ним была наша артиллерия, думая, что там до сих пор находятся фашисты, а с другой стороны стреляли немцы, уже знаящие о захвате высоты советскими бойцами. Каким-то чудом группа осталась в живых, хотя разведчикам пришлось очень туго.

"ЗАВТРА". Сложно представить, как у совсем молодых людей, вчерашних школьников и студентов, на фронте переосмысливались такие понятия, как жизнь и смерть...

Владимир ДОВГАНЬ. Помню, как, будучи старшеклассником, я пристал к отцу с вопросом: что он испытывал, когда на войне приходилось стрелять в человека? "Во время боя ты не очень-то понимаешь, убил ты кого-то или нет, — говорил отец. — Ты стреляешь, в тебя стреляют, все кричат, бегут в горячке и неразберихе. Но однажды я действительно знал, что убиваю человека". И он рассказал мне трагическую и довольно страшную историю из своей фронтовой жизни.

Однажды группе разведчиков, состоящих только из комсомольцев (а отец был комсоргом отряда), дали очень тягостное задание — расстрелять нескольких наших солдат, которых немецкий агент уговорил перебежать на сторону неприятеля. Их перехватили, приняли решение их расстрелять. "Это было тяжело, — вспоминал отец. — Я не мог стрелять в них. Вижу, обманул фашист этих глуповатых, неотёсанных, ещё "зелёных" ребят из села. Мне их было жалко. А немецкий агент говорил по-русски абсолютно чисто, но при этом был убеждённым, идейным нацистом. Кто он, немец или русский, мы не знали. Но я чётко понял, что это матери́й враг, примириться с ним нельзя: гитлеровцы пришли уничтожать наш народ, каких-то компромиссов с ними быть не могло". И вот его отец действительно застрелил. Перед смертью тот ещё успел что-то прокричать про "неизбежную победу великой Германии".

А когда после войны отец и его младший брат, тоже боевой офицер, танкист, приехали в родное село на Украине, и там их попросили заколоть ка-

банчика к празднику, они не смогли этого сделать. Над ними смеялись: "Что же вы за вояки такие, коли пороса зарезать не можете?!" Так что, если даже перед вами военный человек, многократно участвовавший в боях, это не значит, что ему легко убивать.

"ЗАВТРА". Борис Васильевич рассказывал вам, за что был награждён?

Владимир ДОВГАНЬ. Да, как-то я спросил его, за что ему вручили орден? На что он ответил: "Никаких подвигов я не совершал. Этот орден получил ближе к концу войны за обнаружение немецкого склада с очень ценными лекарствами". Надо сказать, что тогда ходить по подвалам было опасно — их часто минировали. Но самое главное: нужно было доказать, что найденные лекарства — не отравы, а вполне пригодные для лечения препараты. Для этого отец провёл экспертизу. Склад был большой, лекарства нужные — за это его и представили к награде. Советская медицина работала на высочайшем уровне, но в годы войны препараты всё равно не хватало. Раненых было очень много, да и просто люди болели.

Но отец мне признался, что на самом деле ему гораздо дороже были те медали 1942 года, которые он получил за участие в реальных боях. Но о них он мне не рассказывал. Я понимал, что это были награды за героические действия его отряда, потому что во время отступления нашей армии медаль "За боевые заслуги" вручали только за настоящую доблесть. Солдаты очень ценили такие награды. Я смотрел на отцовские медали и гордился тем, что они у него есть.

Отец не любил говорить о войне. Пафоса не терпел. И если что-то вспоминал, то больше с иронией. Например, о том, как в их отряд прислали лейтенанта, который хотел в разведке быстро сделать карьеру. Брал с собой одного солдата и заставлял подтвердить, что он внезапно выстрелом уложил противника (не существовавшего в действительности). Некоторые под его нажимом подтверждали. Разведчики решили проучить карьериста. Когда во время боя он поднял бойцов в атаку криком "вперёд!", а сам, как всегда, начал питься назад, отец с криком "вперёд!" подхватил его и, не отпуская, повел впереди отряда. После этого боя горе-лейтенант ушёл из разведки.

Отец любил вспоминать фронтовых друзей. Я с детства слушал замечательные рассказы о его боевом друге из Узбекистана биологе Фуате Джангуразове. Для меня это был почти эпический герой (после войны они потеряли друг друга, сохранилась только их совместная фотография). В 1975 году я, студент-композитор, написал Увертюру к 30-летию Победы. Какова же была наша радость, когда в мае 1975 года Джангуразов приехал к нам домой (адрес помогли найти ветераны 48-й армии), и я играл свою увертюру этому замечательному человеку — кандидату биологических наук, боевому товарищу отца.

Моя мама, Тамара Евгеньевна, охотнее делилась воспоминаниями, и свои военные будни очень просто описывала. Наверное, в большей степени потому, что поначалу они воспринимались ею, в общем-то, как подростковые приключения.

"ЗАВТРА". А для нас они — золотые крупицы, которые мы собираем о том героическом времени...

Владимир ДОВГАНЬ. Надо сказать, что Великая Отечественная война — это было всенародное дело. Всенародное! Я об этом могу судить даже по своим родственникам. Потому что большинство из тех, кого я знаю, так или иначе принимало в этом участие.

Оба моих деда воевали. Правда, отец отца непосредственно в боях не участвовал, он служил во вспомогательных войсках — ему уже исполнилось 50, и посчитали, что для фронта он не годится. А мамин отец, которому было чуть за сорок, очень активно воевал и совершил несколько подвигов. Его ещё в гимназии научили хорошо стрелять. В жизни же он был совершенно не военный человек — бухгалтер по специальности, но всё же ему пришлось

применить свои навыки хорошего стрелка. Мама рассказывала, как читала во фронтовой газете: "Рядовой Рябов застрелил четверых фацев..."

Так вот, этот мой дед совершил подвиг, будучи в составе штрафной роты из-за двухчасового опоздания в часть. Он отвозил из Москвы на фронт свою пятнадцатилетнюю дочь, мою маму, и не успел вовремя вернуться в расположение (трудности с транспортом). Отправили его в штрафную роту на месяц. Мама — вся в слезах, а главный врач военного госпиталя ей тогда сказала: "Ничего, Тамара, он вернётся с орденом!" Точно! Вскоре его наградили орденом. Подробностей не знаю. Дед был тяжело контужен, больше на передовой не воевал и был приписан к госпиталю. От офицерских званий отказывался, хотя ему предлагали — у него была офицерская должность. Остался рядовым. Рядовой Рябов. Но к нему и без звания все испытывали уважение.

В 1941 году, кроме моего отца, на фронт отправились его младшая сестра и брат, который только окончил школу и сразу же ушёл в танковое училище, стал танкистом. Сражался геройски, его боевые машины трижды подбивали, он горел в танке, но остался живой. Но сколько я его помню, он всегда был седым. В их семье погибли два двоюродных брата: за помощь партизанам они были повешены гитлеровцами в Подолье, куда немцы с началом войны очень быстро прорвались.

"ЗАВТРА". Вы упомянули, что ваша мама уже в 15 лет была на фронте, так рано?

Владимир ДОВГАНЬ. Её взрослая жизнь наступила даже раньше. Когда началась война, мама, тогда ещё 14-летний подросток, оказалась в Москве фактически одна: её отца уже призывали в армию, а мать (мою московскую бабушку) с младенцем-братом отправили в эвакуацию. Поэтому она жила в опустевшем ветхом двухэтажном доме вместе с соседкой-старушкой, которая приютила её у себя в комнатке. Так они вдвоём и провели целый год.

Это сейчас 14-летний подросток — ребёнок. А в 30—40-е годы в таком возрасте ребята были уже вполне самостоятельными людьми. 22 июня застало маму в пионерлагере в Орехово-Зуеве. И ей поручили собирать в отряды младших школьников, октябрят, и привозить их в Москву, где малышей ждали родители, чтобы выехать в эвакуацию. Несколько дней она занималась этим довольно серьёзным делом, а когда освободилась, сразу подала документы и начала учиться в фельдшерско-акушерской школе при мединституте, где набирали учащихся, окончивших семилетку. Она считала, что с началом войны её долг — получить медицинские навыки для того, чтобы уметь делать перевязки и прочее. Вот такое, очень сознательное отношение к жизни было у подростков в те годы.

Помимо учёбы, когда в Москве начались бомбёжки, мама стала дежурить со своими ровесниками на крыше — гасить зажигательные бомбы. Одну ночь дежурит, другую — спит в бомбоубежище, оборудованном под соседним домом. Она мне подробно рассказывала, как им выдавали рукавицы и большие щипцы, которыми нужно было сбрасывать "зажигалки" вниз с крыши или гасить их в ящике с песком. Вспоминала со смехом, буд-то описывала весёлые приключения.

"ЗАВТРА". Но при бомбёжках, наверное, не всегда так уж смешно было?

Владимир ДОВГАНЬ. Конечно. Однажды мама так устала после дневного дежурства, что уже не было сил никак идти, и она заснула у себя в комнатке. Но получилось так, что бомба попала прямо в тот дом, где находилось бомбоубежище. А она чудом осталась жива из-за того, что нарушила дисциплину и не ушла в укрытие. Повезло тогда остаться в живых ещё двум маминым сверстникам, брату и сестре, которые во время бомбёжки задержались на втором этаже того дома, и их взрывной волной выбросило наружу.

"ЗАВТРА". Сложно представить, как девочка-подросток жила одна, без родителей в огромном, фактически прифронтовом городе. Чем она питалась, кто за ней присматривал, кроме пожилой соседки?

Владимир ДОВГАНЬ. Мама рассказывала, что её отец как-то сумел получить на несколько часов увольнение и приехал из Подмосковья, купив ей продукты недели на две. Но еда, конечно, быстро закончилась, и вскоре она ходила и смотрела, не осталось ли где какой-нибудь корочки. Уже начался голод. Во время войны жизнь меняется стремительно. В первые дни сложно осудить эти перемены. А дальше трудности нарастают как снежный ком. Продуктов не хватало, в городе появились немецкие агенты и бандиты. Один раз мама преследовал грабитель, когда она решила сцеголнуть в бабушкиной шубе. Её спасло то, что в доме были какие-то чуланы, где можно было спрятаться. И бандит ходил рядом, но так и не нашёл её.

15 октября 1941-го, когда немцы подошли очень близко к Москве, большая часть руководства страны переехала в Куйбышев. На следующий день об этом узнали люди, и у многих началась паника. Позже, когда пришла информация, что Сталин и его ближайшее окружение остались в столице, народ успокоился. Но именно 16-го числа из-за неизвестности жители запаниковали. А ещё стали закрываться предприятия. Зарплату выдавали не деньгами, а тем, что производили. Мама рассказывала, как странно было видеть, например, людей с большими рулонами бумаги или обещанных сосисками — сюрреалистическая картина. Некоторые москвичи, у кого были автомобили, пытались бежать из города со своим добром. Мама видела, как одну такую машину остановили, её хозяев заставили выйти из салона, где оказалось полно денег и ценных вещей...

"ЗАВТРА". А кто остановил машину?

Владимир ДОВГАНЬ. Это было самоуправство людей. Но никого не били, а просто кричали: "Удираете, предатели?! Нас бросаете! Награбили, нахватали..." А те стояли бледные и не знали, что делать, пока у них на глазах деньги и другое добро разбрасывали по мостовой. Это был не грабёж, а, скорее, акт протеста против подобных паникёров.

Город жил в очень тревожном состоянии. В этот же день мама вместе с другими учащимися пришла в мединститут, а профессуры нет, весь преподавательский состав не явился на работу. И тогда студенты устроили общее собрание, заклеилимли позором всю профессуру и выдвинули ей требование: с завтрашнего дня все преподаватели должны быть на месте. И ещё: посkolьку Москва — прифронтовой город, то в данный момент теорию надо оставить и делать упор на практику — учить перевязке и оказанию первой помощи. На другой день все преподаватели находились на рабочих местах. Вот такие были студенты! Думаю, что одна из причин нашей Победы: то поколение было чрезвычайно инициативным. Молодые люди 14—20 лет без всякого указания свыше были способны на очень многое — на оборону, самоорганизацию, могли определить, что надо делать в первую очередь, в каком направлении работать.

Когда первый мединститут эвакуировали, фельдшерско-акушерскую школу прикрепили к Лужской больнице, где открылся военный госпиталь. И маме, которой не было и 15 лет, уже приходилось не просто учиться, а наравне со всеми дежурить, помогать раненым, делать им перевязки. И поэтому, когда в мае 1942 года её отец приехал в Москву и предложил ей вместе с ним идти служить на фронт (а он уже был приписан к госпиталю), она с радостью согласилась. До этого мама пыталась устроиться во фронтовой госпиталь, но из-за возраста её не брали. А тут взяли, можно сказать, "по знакомству" — отец постарался.

Мама интересно описывала первую встречу с начальником того госпиталя для легкораненых. Его фамилия была Токин, он был братом выдающегося советского учёного-биолога. И вот он с ней беседовал целых два часа. Выяснял не только, что она умеет делать как медработник, но и расспрашивал о том, как хорошо мама знает литературу. И если в практической работе в силу возраста она ещё не так была сильна, то литературу знала очень хорошо, особенно русскую классику. Она была крутой отличницей и считалась лучшей ученицей школы. И это ей помогло остаться при госпитале. Директор назначил её заведующей библиотекой. Он сам был очень образованным человеком и считал, что культура необходима всем, особенно чтение.

"ЗАВТРА". То есть девушка не только помогла раненым, но и занималась их досугом?

Владимир ДОВГАНЬ. Да. Благодаря директору, в госпитале велась настоящая культурная работа. Мама читала раненым книги, стихи. Кроме того, она пела. Один находившийся на излечении актёр учил маму актёрскому и певческому искусству, ставил ей голос. Был там и свой балетист, поэтому она выступала с аккомпаниатором. Большие всего бойцы любили слушать "В землянке". Хотя начальство недолюбливало эту песню, считало слишком мрачной из-за слов "...а до смерти четыре шага", но солдат это не останавливало. Мама вспоминала, что её просили петь эту песню по несколько раз подряд. Музыкального образования у неё не было, но в седьмом классе она ходила, хоть и недолго, в оперный кружок. Тогда вообще дети стремились к всестороннему развитию: и спортом занимались, и литературой, и музыкой, и технические кружки любили. Мама, например, посещала секцию "Юный моряк" и очень хорошо вьезала морские узлы, знала морскую сигнализацию.

Но при всей маминой культурно-массовой деятельности в военном госпитале она числилась военнослужащей, дежурила, делала перевязки, помогала медперсоналу. А в 1943 году её вместе с отцом (моим дедом) перевели в ГОПЭП — Главной полевой эвакуационный пункт армии.

"ЗАВТРА". На каком фронте это было?

Владимир ДОВГАНЬ. Это Центральный фронт, которым тогда командовал Константин Рокоссовский. И там мама оказалась, можно сказать, участницей Курской битвы. Мама вспоминала, что во время наступления было очень много жертв, большое количество раненых и среди бойцов, и среди местного населения. Многие подрывались на минах. А ГОПЭП — это тот же госпиталь, но оказывающий самую первую медицинскую помощь, чтобы человек не погиб.

"ЗАВТРА". Это можно назвать перевалочным медпунктом?

Владимир ДОВГАНЬ. Да. В нём раненых долго не держали и переправляли на долечивание во фронтовые госпитали. В том ГОПЭП был главный врач по фамилии Чупрун, выпускник Львовского университета, хирург, профессионал высочайшего класса. Мама рассказывала, что он удивлял тем, что даже в самое тяжёлое время всегда оставался абсолютно спокоен. Например, однажды ГОПЭП попал под сильную бомбёжку. Всё горит, бомбы летят, взрывы. Паника, никто не понимает, что делать, начальник пункта растерялся. И тут Чупрун стал отдавать чёткие команды и очень быстро всё поправил. В результате никто не погиб, ситуация была взята под контроль. После этого его стали уважать вдвойне. Потому что до этого знали его только как выдающегося врача. Во время наступления был такой поток раненых, что Чупрун иногда не спал по несколько суток. Казалось, это невозможно. Но он в перерыве, пока готовят нового больного, клал голову на стол и минут на десять засыпал, при этом обработанные руки держал определённым образом, чтобы без промедления начать новую операцию.

"ЗАВТРА". И не тратите время на очередную санобработку?

Владимир ДОВГАНЬ. Правильно. И таким образом этот хирург почти без сна оперировал, спал сотни ночей. Вообще все мамы рассказываы — это гимн нашей военной медицине, которая в то время творила просто чудеса. Конечно, весь медперсонал ГОПЭП работал на износ. И мама, помимо перевязки раненых, иногда помогала на операциях. Но Чупрун, зная её грамотность и красивый почерк, назначил её медицинским статистиком. Нужно было в документах фиксировать все проведённые операции, описывать все ранения, а также учитывать всех раненых и погибших. Потом отчёт отправляли в штаб 48-й армии. Иногда, когда не было посыльного, мама должна была сама доставить донесение. Это очень ответственное дело, потому что документ не должен был попасть в руки врагу. Ей выдавали пистолет, учили стрелять, проводили с ней и другими сотрудниками постоянные тренировки.

Один раз, когда мама должна была доставить такой отчёт, она заболела ангиной — температура повысилась до 39 градусов, разболелось горло, бил озноб. Но ей сказали: "Тамара, надо нести, ничего не подделаешь — больше некому". Дело было зимой. Она встала на лыжи и прошла 20 км до штаба и столько же обратно. Вернулась в ГОПЭП ночью и совершенно без сил рухнула на кровать. А утром проснулась абсолютно здоровая. То есть был такой сильный стресс, такая нагрузка, что это помогло молодому организму перебороть болезнь. Вот такие бывали случаи на войне.

"ЗАВТРА". Тамара Евгеньевна тогда была совсем юная, многое в таком возрасте воспринимается с юмором. Она, наверное, рассказывала вам и о забавных случаях?

Владимир ДОВГАНЬ. Конечно. Однажды в период относительного затишья их часть остановилась в каком-то белорусском селении. Хозяйка дома, где располагались офицеры, испекла блины, пригласила всех за стол. Мама посадила рядом. И дальше она рассказывает: "Я вилкой блин наколола, не успела ко рту поднести, как вдруг прогремел сильный взрыв — казалось, совсем рядом. Смотрю, а кроме меня за столом никого нет — все офицеры оказались под столом. Оказываеься, сработал военный рефлекс, они укрывлись, чтобы их не посекли осколки, ведь стол — такая-нижкая защита. У меня такого рефлекса ещё не было. Вот и сидела одна со

своим блином на вилке". Потом над ней все смеялись: "Всё ещё свой блин изучаешь?" А другие, наоборот, офицеров подначивали, мол, Тамара одна оказалась смелой. Ну, конечно, не так. Они все — обстрелянные люди, с мгновенной реакцией.

Во время наступления, если на новом месте не было необходимого помещения, рыли землянки...

"ЗАВТРА". Это же очень тяжёлая работа!

Владимир ДОВГАНЬ. Маме приходилось работать, как всем, без скидок на возраст. Она мне говорила: "Война — тяжелейший труд". Представьте, что такое землянку вырыть или носить на себе раненых? Особенно тяжело приходилось, когда надо было с земли поднимать носилки в санитарный поезд. А они, обычно две девочки, это делали.

Если помещение находили, ГОПЭП быстро там размещался. Однажды, расположившись в каком-то польском городке, медработники решили отдохнуть, накрыли столы возле домов, сидят, едят что-то. И тут из-за дома выходит беременная женщина, местная жительница. Видимо, её специально прислали, вроде как на разведку, убедиться, что её никто не тронет. Её сажают за стол, начинают разговор. Она видит, что всё в порядке, и громко несколько раз хлопает в ладоши. После чего появляется целая делегация — мэр города и какие-то важные господа, все во фраках, с орденами. Мама рассказывала, что наши еле сдерживались от смеха, всё-таки советские люди к такой чопорности не привыкли. Но поговорили с ними хорошо. Устроили совместный "вечер дружбы" — с чаепитием и танцами на площади под аккомпанемент наших музыкантов. То есть в целом с гражданским населением проблем не было. Другое дело, что польские отряды Армии Крайовой время от времени устраивали какие-то вылазки, могли гранату бросить в комнату, застрелить нашего бойца. Поэтому в одиночку лучше было не ходить по селениям и окрестностям.

"ЗАВТРА". Вы говорили, что Тамара Евгеньевна отозвала документы в штаб армии, где командующим фронтом был Константин Рокоссовский. А не было ли у неё личных встреч с этим легендарным полководцем?

Владимир ДОВГАНЬ. В 1943 году, когда мама только попала в ГОПЭП, случилась такая история. Шло наступление, раненых было очень много. Маме поручили организовать их отправку в тыловые госпитали. В помощники ей выделили 40-летнего инвалида. Своего транспорта почти не было. Поэтому она, 16-летний "командир", должна была останавливать попутные машины и грузить туда раненых. Но никто не останавливался. Мама и её "подчинённый" стоят на дороге, машут руками, пытаются задержать машины — толку никакого. Тогда она решила проявить инициативу. Сказала своему помощнику, чтобы тот срубил дерево и соорудил на дороге импровизированный шлагбаум. Сделали и смогли таким образом остановить целую вереницу автомобилей. Из одного выбежал полковник и стал кричать: "Ты что себе позволяешь?! Да я тебя под трибунал!" В это время к ним подходит генерал и совершенно спокойно, без всякого крика спрашивает: "Сестра, что случилось?" Мама ему доложила, что нужно отправлять раненых на долечивание, промедление опасно для их жизни, а ни одна машина не останавливается, чтобы их забрать. И генерал дал указание своему помощнику: "Тышии мандат: податель сей имеет право остановить любую машину, даже командующего и главнокомандующего, и если там есть свободное место, то обязан принять раненых. Подпись: Рокоссовский". Нашли для этого документа прозрачный конверт. Больше им уже никто не отказывал в помощи.

"ЗАВТРА". Тамара Евгеньевна узнала Рокоссовского?

Владимир ДОВГАНЬ. Да, она его знала и сразу назвала Константина Константиновича как полагаются: товарищ командующий фронтом. Рокоссовский, кстати, после того как подписал мандат, сказал маме: "Так держать, сестра!" То есть инициативу он приветствовал. И к солдатам относился бережно. Хотя мамы действия были нарушением — на самом деле никто не имел права так останавливать машины, тем более командующего фронтом, и формально её могли отауд под суд. Но в результате ей лично пришла благодарность от самого Рокоссовского! Вот такая памятная история произошла с мамой.

"ЗАВТРА". Владимир Борисович, ваши родители познакомились во время войны?

Владимир ДОВГАНЬ. Да, родители познакомились в 1944-м, но потом потеряли друг друга. А в начале 1945-го мой отец случайно оказался в том ГОПЭПе, снова увидел маму и понял, что больше не будет терять её из виду. И действительно, потом, как бы далеко их не разбрасывало друг от друга, он всё время поддерживал с ней связь. Мог иногда проехать 30 км на велосипеде к ней на встречу. К концу войны они решили пожениться. А мама, когда уже объявили о Победе, отец и мать пришли к моему деду и попросили благословения.

"ЗАВТРА". Пришли к папе Тамары Евгеньевны? Они же вместе с ним служили в ГОПЭП?

Владимир ДОВГАНЬ. Совершенно верно. Маму вскоре ждало увольнение из армии. Отец как офицер должен был продолжать службу. Его отправили в Казань, предполагалось, что его военная часть будет участвовать в Ялнской войне. Но пока они добрались до Казани, война закончилась. И какое-то время они оставались в Казанском военном округе. А потом отцу дали назначение на Северный флот, и началась мирная жизнь за Полярным кругом.

"ЗАВТРА". Владимир Борисович, расскажите, пожалуйста, о вашей Второй симфонии, посвящённой родителям.

Владимир ДОВГАНЬ. В 1984 году я написал к предстоящему 40-летию Победы Вторую симфонию с посвящением: "Моим родителям — солдатам Великой Отечественной войны". Премьера состоялась в том же году в Большом зале консерватории на фестивале "Московская осень". Играл Новосибирский симфонический оркестр, дирижировал А. Кац. Через два года симфония была ещё дважды исполнена Ростовским оркестром.

"ЗАВТРА". Спасибо, Владимир Борисович, за интереснейшую беседу! Хочется надеяться, что об этих героических людях будет снят фильм — неважно, документальный или художественный. Главное — сохранить память о том удивительном, чистом и мужественном поколении.

Беседовала Наталья КЕРИМОВА

На фото: будущие постоянные читатели газеты «Завтра» рядовая Тамара Евгеньевна и старший лейтенант Борис Васильевич Довгань. Восточная Пруссия, 1945 г.

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 17 500

Заказ № 3224-2023

Дата выхода в свет — 21.06.2023 г. Подписано в печать 20.06.2023 г. в 14.00, по графику — в 14.00

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА